
Ю.А. Артамонов

НЕСТРОЕНИЯ МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕЙ ИСТОРИИ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ОБИТЕЛИ)

На фоне абсолютного преобладания ктиторских монастырей в Древней Руси появление около середины XI в. Киево-Печерской обители стало событием неизузданным. Дело в том, что своим возникновением она была обязана не деньгам и влиянию состоятельного мирянина, а аскетическому и молитвенному подвигу самих иноков. В отличие от частных монастырей, которые, как правило, существовали на средства ктитора и представляли собой сравнительно закрытые корпорации, Печерская община остро нуждалась в коммуникации с миром. Эта связь обеспечивала приток новых постриженников и материальную помощь, что являлось залогом устойчивого развития обители. Уже спустя десятилетие с момента возникновения в стенах Киево-Печерского монастыря проживало около 100 черноризцев. Ни одна частная обитель Руси того времени не могла похвастать такой многочисленной братией. Существенный рост общины привел к необходимости нормативной организации ее жизни, следствием чего стало введение Студийского общежительного устава. Последний призван был защитить печерян от внутренних конфликтов, вероятность возникновения которых в условиях многочисленности братии многократно возрастила. Несмотря на то, что Устав был введен во всей строгости и полноте, целый ряд его положений вскоре стал нарушаться, а между иноками стали вспыхивать конфликты и распри. Чаще всего эти нестроения возникали на почве несоблюдения уставных норм, хотя случались и межличностные ссоры. Уже в конце XI в. среди печерян существовало разделение на богатых и бедных, бытоваля практика оплаты взаимных услуг, а в кельях хранились деньги и неустановное имущество. Предупреждение и разрешение конфликтов находились в компетенции игумена и монастырских старцев. Настоятель имел право делать внушения, налагать дисциплинарные наказания, а в исключительных случаях изгонять нерадивых черноризцев из обители. Для поддержания порядка в храме и на трапезе существовал институт «начальников», которые определялись игуменом из числа наиболее авторитетных и опытных монахов.

Ключевые слова: Древняя Русь, церковь, монашество, монастыри, Киево-Печерский монастырь, Студийский монашеский устав

Рассуждая о происхождении русского монашества, профессор Московской духовной академии П.С. Казанский в свое время писал: «Россия, принявшая веру Христову, от церкви Восточной, приняла вместе с верою и иночество. Из Греции пришли на Русь первые иноки, и правила жизни и дух иночества, там утвержденные, сделались правилом и духом иночества Русского» (Казанский 1855. С. 5). Действительно, при всем своеобразии экономической, политической и культурной жизни восточнославянского общества содержание подвига монашества оставалось на Руси непреложным, изменения затрагивали только формы его усвоения. Природно-климатические и социальные факторы оказывали влияние на быт русских обителей, но они не нарушали основных постулатов иночества, которые сложились на Востоке задолго до приобщения Киевской державы Владимира Святославича (978–1015) к христианской вере. Нarrативные и актовые тексты, определявшие жизнедеятельность византийских монастырей, широко использовались для организации древнерусского монашества. Так, например, сочинения Кирилла Скифопольского (524–558 гг.) содействовали формированию в культуре Руси образа идеального подвижника, а Студийский типикон регламентировал внутренний уклад многих иноческих общин домонгольского времени (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160).

Опыт монастырского строительства Константинопольской церкви был реализован на Руси уже вскоре после ее официального крещения. Древнерусская элита восприняла практику строительства частных монастырей, которая имела широкое распространение в Средневизантийский период. Многие состоятельные жители Восточной Римской империи полагали учреждение собственного монастыря едва ли не главным делом жизни. Здесь они рассчитывали получить тихое пристанище в старости, а после кончины – вечное поминовение. Свою ревность о вере таким способом демонстрировали даже люди скромного достатка – крестьяне, горожане, воины, предпочитавшие строить вскладчину небольшие монастырьки (Соколов 2003. С. 107, 118–119).

Насколько позволяют судить источники, почин строительства на Руси частных обителей принадлежал князю Ярославу Владимировичу (1019–1054, с перерывами), который основал в Киеве монастыри святого Георгия и святой Ирины: первый был посвящен его небесному патрону, а второй – небесной покровительнице супруги, шведской принцессы Ингигерды. Примеру отца последовали сыновья: старший Изяслав создал монастырь в честь святого Дмитрия Солунского, средний Святослав – в честь святого Симеона, младший Всеволод – в честь святого Андрея Первозванного (Артамонов 2008. С. 188). Вскоре частные монастыри стали возникать и в других столицных городах. По всей видимости, эта

«инициатива» Рюриковичей получила скорый отклик в дружинной среде, таким способом представители знати могли наглядно демонстрировать не только приверженность новой вере, но и преданность верховной власти. Уже на рубеже XI–XII вв. количество княжеско-боярских монастырей обратило на себя внимание древнерусского летописца, который под 6559 (1051) г. записал: «Мнози бо манастыри ѿ цѣркви и ѿ бояръ . и ѿ батьства поставлени. но не суть таци . каци суть поставлени слезами . пощеньемъ млѣвою [и] бдѣньемъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 159). Эти слова принадлежат насельнику Киево-Печерского монастыря, который отличал природу родной обители от сущности иноческих общин, созданных на деньги мира.

На фоне абсолютного преобладания частных ктиторий возникновение в середине XI в. Печерского монастыря стало событием незаурядным. Дело в том, что своим появлением он был обязан не богатству и влиянию состоятельного владельца, а аскетическому и молитвенному подвигу монахов. Можно думать, что на первых порах именно эта особенность сделала обитель привлекательной для населения Киева и его ближайшей округи. Тот же летописец сообщает, что духовный подвиг преподобного Антония Печерского (ум. 1073) – основателя монастыря, обратил на себя внимание окрестных жителей, которые стали материально поддерживать отшельника, получая взамен благословение и молитву. Со временем известность Антония настолько возросла, что вступивший на киевский стол князь Изяслав Ярославич (1054–1078, с перерывами) считал нужным лично посетить подвижника. Думаю, что данное решение было мотивировано не столько духовными запросами правителя, сколько влиянием общественного мнения. Со временем у Антония появились свои последователи, что привело к возникновению полноценного монастыря.

Печеряне весьма дорожили своим независимым положением. Нестор в Житии Феодосия Печерского (начало XII в.) прямо пишет, что святой не хотел никакого «прилога творити», возлагая надежды не на «именъ», а на Бога (Успенский сборник 1971. С. 107). Такая позиция, с одной стороны, гарантировала сохранение внутримонастырской автономии (например, в части выбора игумена), а с другой, лишала обитель покровительства влиятельной политической силы, что в случае возникновения внутреннего или внешнего конфликта было чревато серьезными потрясениями. Впоследствии это обстоятельство нередко вынуждало печерян маневрировать между властными институтами, представителями правящей династии, политическими элитами и социальными группами (Артамонов 2023. С. 18).

Еще одна отличительная особенность Киево-Печерского монастыря состояла в его открытости миру. Частные обители, будучи сравнительно

замкнутыми корпорациями, не проявляли в этом большой заинтересованности. Рост братии грозил владельцу дополнительными издержками, а коммуникация с соседями могла нарушить внутренний распорядок жизни усадьбы, на территории которой располагалась ктитория. Неслучайно летописец замечает, что пришедший с Афона на Русь Антоний «не възлюби» ни один из киевских монастырей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156). Нестор в Житии Феодосия прямо объясняет, почему столичные обители отказали святому в пострижении: «видевше отрока простотъ и ризами худыми обльчена, не хотеша того прияти» (Успенский сборник 1971. С. 80). Главный смысл существования частных монастырей состоял в удовлетворении религиозных потребностей ктитора и членов его семьи. Для пещерян такая ситуация была неприемлема. Не располагая постоянным источником дохода, община нуждалась в помощи мира. Эта коммуникация обеспечивала приток новых постриженников и материальную поддержку, что являлось залогом устойчивого развития монастыря. Показательно, что спустя всего десятилетие с момента возникновения в стенах Печерской обители проживало около 100 иноков (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160). Ни один частный монастырь того времени не мог похвастать такой многочисленной братией.

В результате существенного роста общины возникла необходимость в нормативной организации ее жизни, следствием чего стало введение игуменом Феодосием Печерским (1061–1074) около 1062 г. Студийского монашеского устава (Успенский сборник 1971. С. 89). Как справедливо отмечал Е.Е. Голубинский, он был введен «во всей его строгости и вместе во всей его полноте» (Голубинский 1881. С. 342). Устав предусматривал полное обобществление имущества, общий стол, равенство всех в отношении к монастырским работам; определял поведение иноков в трапезной, правила приготовления и употребления пищи, соблюдения однодневных и многодневных постов, совершения омовения. Выйти из монастыря можно было только с разрешения игумена. Существовал строгий запрет на посещение монастыря женщинами, ношение одежды из дорогих и ярких тканей, собрания монахов в кельях, питание вне трапезной, использование для своих нужд труда слуг и некоторые др. (Артамонов 2013. С. 9).

Неукоснительное соблюдение уставных норм призвано было защищать общину от внутренних конфликтов, вероятность возникновения которых в условиях многочисленности братии многократно возрастала. Неслучайно, согласно Нестору, Феодосий распорядился, чтобы каждый постриженник был ознакомлен с требованиями Устава (Успенский сборник 1971. С. 89). Летописец сообщает, что перед смертью он наставлял своего преемника Стефана (1074–1077/78) в необходимости строгого со-

блюдения всех установленных правил: «Чадо, се предаю ти монастырь . блюди со шпасеньемъ его . и яже оустроихъ въ служба^х то держи . преданья монастырьская . и оустава не измѣнаи . но твори всм по закону и по чину монастырьску» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 187). По всей видимости, Феодосий предвидел последующие нестроения и полагал, что строгое соблюдение требований Устава поможет их нивелировать.

Студийский типикон был нацелен на поддержание в монастыре атмосферы братолюбия, смирения и послушания. Об этом можно заключить из следующих слов, которые определяли поведение иноков: «Се бо образъ любъве и чистоты и душа съмѣрены . мълчаніе и миръ многъ . и дроугъ къ дроугоу единство и покорение братии . да цвѣтеть же присно . и да живеть въ монастыри . а въсякъ въпль и говоръ . и паче роуганіе . яко же миръскымъ разоумнѣишимъ ненавидимое . далече нѣкде ѿ него да ѿгнано боуди» (Пентковский 2001. С. 381). Данное наставление перекликается с идиллической картиной быта пещерян, который, согласно летописцу, был присущ эпохе святого Феодосия: «Такы черныцъ яко свѣтила в Руси съяютъ... въ любви пребывающе . меншии покаралющеся старѣишимъ . и не смѣюще прѣ^л ними глѣти . но все с покореньемъ и с послушаныемъ великымъ . также и старѣиши имѧ[ху] любовь к меншимъ . наказаху оутѣшающе . яко чада възлюбленая . аще которыи братъ въ етеро прегрѣшены впадаше . оутѣшаху и епитемью . [единого брата раздѣлаху]. г̄. ли . д̄. за великую любовь . тако бо баше любы в брати тои . [и] вздержанье велико... таци бо бѣша любовницы и сдержанцы . и постницы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 188–189). Между тем источники свидетельствуют, что предлагаемая зарисовка далеко не в полной мере отвечала реальному положению вещей в стенах Киево-Печерского монастыря.

И при Феодосии, и особенно после его кончины ряд положений Устава нарушались, между иноками вспыхивали конфликты и распри. Иной раз дело доходило и до открытых возмущений. Например, около 1077 г. часть братии выступила против игумена Стефана: сначала его лишили должности, а затем и вовсе изгнали из монастыря. Это прямо противоречило уставным требованиям, согласно которым иноки должны были беспрекословно подчиняться воле настоятеля: «Покаралитеся старѣишимъ вашимъ и повинуите . ти ибо бѣдѣть за дѣла ваша . яко слово въздати хотяще . никтоже оубо чрѣсъ повелѣніе игоумене да не творить . нѣ въ всемъ да повинууетъся того повелѣнию» (Пентковский 2001. С. 381). Всякий раз при встрече монах был обязан приветствовать игумена глубоким поклоном, тем самым воздавая ему должное уважение. И в храме, и в трапезной настоятель всегда занимал почетное место, он предшествовал во всех действиях и процессиях, которые определяли повседневную жизнь обители.

Несмотря на то, что одним из главных иноческих обетов являлось послушание, именно на почве недовольства распоряжениями игумена и (или) соборных старцев в монастыре возникали конфликтные ситуации. Так, из-за разногласий с руководством монастыря обитель покинул преподобный Лаврентий Затворник, который непременно хотел стать отшельником, а не жить среди братии в условиях общежития, как указывали ему «святые отцы» (Абрамович 1991. С. 127). По этой же причине возник конфликт между игуменом Никоном (1077/78–1088) и преподобным Никитой Затворником (Там же. С. 124–125). В расчете занять более высокое положение среди братии монастырское руководство критиковал молодой постриженник Поликарп (в будущем – один из составителей Киево-Печерского патерика). Это привело к конфликту с игуменом и соборными старцами: кто-то из них публично отчитал неопытного инока. Досадуя о случившемся, Поликарп оставил родной монастырь и занял должность настоятеля в сузdalской обители святых Космы и Дамиана. Впрочем, его игуменство там продлилось недолго (Артамонов 2020. С. 135).

Случаи ухода из монастыря не были редкостью. На это косвенно указывает Житие Феодосия, где говорится, что святой молился о возвращении ушедших из обители постриженников и никогда не отказывал им в прощении. В агиографической литературе оставление иноком монастыря традиционно объяснялось происками бесов. Печерский старец Матфей, наделенный даром прозорливости, стал свидетелем знамения, которое предшествовало бегству из обители одного из братьев. Накануне он увидел толпу во главе с бесом, сидящим на свинье. На вопрос Матфея, куда они направляются, бес ответил, что пришел за Михаилом Тольбековичем. Когда спустя некоторое время старец понял смысл видения, он послал своего келейника узнать, у себя ли Михаэль. Но выяснялось, что нерадивый монах уже покинул монастырь. В Киево-Печерском патерике (20–30-е гг. XIII в.) рассказывается, что бес не только искушал богатством инока Феодора, но и настойчиво уговаривал его оставить обитель и перебраться жить в другое место (Абрамович 1991. С. 164). Оставление общины считалось тяжким грехом, который лишал инока возможности спасения. Согласно Нестору, Антоний Печерский по этому поводу говорил, что «мних, възвращаясь къ миру мыслию и пекынся о миръскыхъ, не имать оуправитися въ жизнь вѣчною» (Успенский сборник 1971. С. 83–84). Того же мнения держался преподобный Феодосий. Перед смертью он обещал пещерянам, что будет вечно молиться и держать ответ перед Богом за каждого из них. Однако эта помощь не будет распространяться на тех, кто самовольно (без разрешения игумена) уйдет из родной обители: «И се елико же васъ въ монастыри семъ умреть

или игуменом где отъслань будеть, аще и грехи будеть сътворилъ, азъ имамъ о том пред Богомъ отвещати, а иже отъидеть кто о собе от места сего, тожде азъ о том орудиа не имамъ» (Абрамович 1991. С. 73).

Завершая рассказ об уходе из монастыря Михаля Тольбековича, летописец отмечает, что беглец «скочиль со столпъя», то есть перескочил через ограду (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 191). Отмеченная подробность весьма показательна. Она говорит о существовании в монастыре строгого ограничения на выход, которое предписывалось Студийским уставом. По всей видимости, это был один из способов «защитить» иноков от соблазнов земной жизни. Миновать ворота, которые в течение всего дня строго охранялись наиболее опытными монахами – «вратарями», можно было только с разрешения игумена: «Егдаже хощеть къто слоужения ради . или своея ради неотрочъныя потрѣбы . изити из манастыря . не първѣ да исходить . прѣже да не приемть молитвы от игумена» (Пентковский 2001. С. 385). Поэтому беглецу ничего не оставалось, как преодолевать монастырскую изгородь.

Как уже отмечалось выше, Студийских типикон запрещал любые неуставные собрания братии, в том числе в кельях. По завершении всякого дела каждому монаху надлежало вернуться в свои покои, «и ту сѣдѣти . и великоумо молитися Богу и къ божествынмъ прилежати писаниемъ» (Там же. С. 382). Между тем, иноки нередко собирались в кельях по нескольку человек, где вели праздные беседы или обсуждали деятельность монастырской администрации. Такие собрания были опасны возможными сговорами и последующими раздорами. Известно, например, что Поликарп, переходя из кельи в келью, смущал монахов беседами, в которых ставил под сомнение авторитет игумена и эконома¹ (Абрамович 1991. С. 101). Феодосий последовательно боролся с практикой незаконных сборищ, обходя каждую ночь кельи монахов. Если в какой-либо из них он слышал голоса, то стуком в дверь обозначал свой приход, а затем тихо удалялся. Наутро преподобный призывал нарушителей и путем увершеваний старался добиться от них чистосердечного раскаяния. При этом Феодосий, в соответствии с требованиями Устава, учил братию «молитися къ Господу и не беседовати ни къ комоу же по павечеръни молитвѣ и не преходити отъ келиѣ въ келию, но въ своеи келии Бога молити, яко же кто можетъ, и руокама же своима дѣлати по вся дни, псалмы Давыдовы въ оустѣхъ своихъ имоуще» (Успенский сборник 1971. С. 91–92). Так же последовательно он боролся с неуставным «имением», которое некоторые монахи держали в своих кельях. Если в процессе обхода такое добро обнаруживалось, Феодосий приказывал бросать его в печь,

¹ Эконом занимал второе место в монастырской иерархии после игумена (Пентковский 2001. С. 410).

«яко же вражию часть соущу» (Там же. С. 107). Одновременно он поучал иноков: «Несть лепо намъ, братие, мънихомъ соущемъ и отвъръгъшемъ-ся миръскыхъ, събрание пакы творити имъниу въ келию свою» (Там же). Студийский устав запрещал братии держать в кельях даже посуду или приносить туда пищу из трапезной². Однако добиться решительной победы в этом вопросе монастырским властям так и не удалось.

Источники говорят, что уже в конце XI в. среди пещерян существовало разделение на богатых и бедных, бытоваля практика оплаты взаимных услуг, а в кельях хранились деньги и личное имущество. Из рассказа Ки-ево-Печерского патерика о святом Афанасии Затворнике мы узнаём, что тело умершего монаха в течение почти двух дней оставалось без погребения. Причиной такого нерадения со стороны братии стала бедность покойного. Как отмечает автор рассказа, суждальский епископ Симон (ум. 1226): «Пребысть же мертвый весь день не погребенъ, бѣ бо убогъ зѣло и не имѣа ничто же мира сего, и сего ради небрегом бысть: богатым бо всякъ тѣщиться послужити и в животѣ и при смерти, да наслѣдить что» (Абрамович 1991. С. 111). Тот же автор сообщает, что еще один насельник обители – Еразм, после того, как истратил все свои личные средства на иконы для монастырского собора, впал в нищету и оказался в пренебрежении. Полагая, что имение потрачено впустую, он перестал заботиться о своем спасении и в бесчинстве проводил дни. Только чудесное явление Богородицы спасло Еразма от окончательного грехопадения (Абрамович 1991. С. 119). Страстю сребролюбия был одержим пещерянин Арефа: вопреки требованию Устава он хранил у себя в келье многое богатство. При этом, согласно Симону, Арефа ни единой «векши», ни даже куска хлеба не подал нищему. Он был настолько скончен, что и самого себя мучил голодом. Когда же все его имущество в одну из ночей похитили воры, он стал досаждать братии, возводя напрасные обвинения и требуя чинить розыск. Не помогли даже уговоры монастырских старцев: Арефа продолжал гневаться и роптать на ближних (Абрамович 1991. С. 119). Весьма показателен рассказ Поликарпа о блаженном Агапите Целителе, который прославился даром врачевания. Его молитва вернула к жизни тяжело заболевшего князя Владимира Мономаха (1053–1125 гг.), после чего последний решил отблагодарить инока. Дважды он пытался наградить Агапита, и дважды – безуспешно: преподобный отказывался принимать дары. Сначала инок предпочел скрыться от пришедшего в монастырь Владимира, а в другой раз вынес принесенное его боярином золото из своей кельи и положил у входа. И в первом, и во втором случае княжеское подношение принял игумен. Такое поведение Агапита удиви-

² Этот запрет не распространялся на больных иноков, которые не имели сил самостоятельно прити в монастырскую трапезную (Пентковский 2001. С. 371, 379).

вило окружающих, которые, как отмечает агиограф, «разумъша вси, яко рабъ Божий есть» (Абрамович 1991. С. 131). Между тем, с точки зрения Студийского устава, поведение лекаря было вполне ординарно: монаху не полагалось лично принимать дары и уж тем более хранить их в своей келье. Нарушителем Устава был Григорий Чудотворец, который держал в своей келье библиотеку. Только после того, как она едва не стала предметом кражи, он решил расстаться с книгами. Часть из них Григорий продал, а вырученные деньги раздал нищим. Таким способом преподобный рассчитывал предупредить возможные покушения на свое имущество (Абрамович 1991. С. 134). В рассказе о Марке Печернике Поликарп пишет, что преподобный, будучи монастырским гробокопателем, никогда ничего не брал с братии за свою работу. В тех случаях, когда кто-то из монахов сам наделял его, он раздавал это убогим. Здесь, как и в случае с Агапитом, вполне ординарное, с точки зрения Устава, поведение Марка трактуется как особая добродетель, присущая Божьему угоднику (Абрамович 1991. С. 156).

Случались в монастыре и межличностные конфликты. Одним из примеров тому является рассказ Симона о монахах Евагрии и Тите: первый был дьяконом, а второй – иеромонахом. Некогда лучшие друзья, они настолько сильно рассорились, что не могли даже видеть друг друга. Когда Тит кадил в храме, то Евагрий старался уклоняться от фимиама; если же Евагрий по какой-то причине не успевал отойти, то Тит проходил мимо, не поклонив в его сторону (Абрамович 1991. С. 122). Еще об одном конфликте сообщает Поликарп. В монастыре жили два брата, связанные «любовию сердечною от юности и единоумие имущее и едину волю еже къ Богу» (Абрамович 1991. С. 157). Дружба иноков была настолько сильной, что они попросили Марка Печерника приготовить для них общую крипту, чтобы и по смерти быть вместе. Спустя некоторое время старший Феофил по какой-то надобности отлучился из монастыря. В этот момент юный брат скончался и был положен в приготовленной пещере. Когда Феофил вернулся в обитель и узнал о случившемся, он пожелал посетить захоронение друга. Оказалось, что усопшего положили на более высоком месте. Это вызвало негодование Феофила, который в своем тщеславии стал обвинять Марка в несоблюдении принципа старшинства (Абрамович 1991. С. 157–158). Тот же автор рассказывает о конфликте, который закончился судебным разбирательством. Один киевлянин для украшения своей церкви решил заказать у монастырского художника Алимпия несколько икон. Посредниками в этом деле стали два монаха, которые получили от клиента деньги, но вместо того, чтобы передать их исполнителю, взяли себе. Дважды горожанин интересовался ходом работ, и всякий раз мошенники от имени иконописца требовали дополнительной оплаты.

нительной оплаты. Когда же, наконец, заказчик настойчиво потребовал показать ему желаемые образы, монахи обвинили Алимпия в обмане и нерадении, заявив, что он «поимавъ злато и сребро и с лихвою, и не хощеть писати иконъ твоихъ» (Абрамович 1991. С. 176). Монастырскому художнику пришлось держать ответ перед игуменом Никоном.

Для предупреждения конфликтов и поддержания дисциплины в монастыре существовал институт «начальников», которые определялись игуменом из числа наиболее авторитетных монахов, в том числе схимников. Согласно Студийскому типикону, во время службы они должны были присутствовать в церкви, а во время приема пищи – в трапезной. В храме один «начальник» следил за порядком на правой стороне, а другой – на левой; вместе они должны были «блюстии нѣкынъхъ дроугъ къ дроугу творящемъ. и въспоминатия сего ся остающемъ съ добро-чинствъмъ стояти. и не бестоудыно зырѣти къ дроузъи братии нъ на ся зырѣти. и оумъ въсь равъно обращати от вънъшънъ видѣни. по благословленому словоу. и роуцъ съвязанъ имѣти. и нозъ на коупъ-на стоянии. и ничъсоже отиноудъ. ни гласмъ ни образъмъ ни възоръмъ. кромъ подобынаго творити» (Пентковский 2001. С. 379). В трапезной «начальники» не сидели за столом, как вся братия, а стояли. Здесь их главная задача состояла в недопущении праздных разговоров и других нарушений общего благолепия. Ничто не должно было мешать богоугодному чтению, которое сопровождало общее застолье. По всей видимости, им же вменялось в обязанность следить, чтобы никто из монахов не осуждал предлагаемое на трапезе брашно. Критика в адрес работников поварни строго запрещалась Уставом, поскольку могла спровоцировать конфликт. На это указывал епископ Симон, когда в своем послании к Поликарпу писал: «Ты же, брате, не днесъ похваляя лежащихъ на трапезѣ, и утро на варящаго и на служащаго брата ропщеш, и сим старѣйшинѣ пакость твориши» (Абрамович 1991. С. 100). Заметив нарушение установленного порядка, «начальник» имел право сделать замечание виновному, а в случае повторного проступка – вывести его из-за стола. Кроме того, он мог назначить нерачительному иноку «покланяние творити до земля, дондеже прощение полуучить от игумена» (Пентковский 2001. С. 379).

Разрешение внутримонастырских конфликтов было одной из обязанностей настоятеля. Свое внушение, как свидетельствуют источники, он мог делать и публично, и с глазу на глаз. Если провинившийся монах раскаивался и просил прощения, то наказание смягчалось. Как правило, искреннее покаяние сопровождалось тем, что инок кланялся до земли или вставал на колени. «Аще бо боудяше братъ лъгъкъмъ сердцъмъ и тепль на любъвь Божию, – писал Нестор в Житии Феодосия, – то сии, въскорѣ разоумѣвъ свою виноу, падъ поклоняшеся...» (Успенский сборник 1971.

С. 91). Такое выражение покорности приветствовалось в монастыре. После этого иноку надлежало благоговейно выслушать указания настоятеля, либо обратить к нему «моление о себе» (Пентковский 2001. С. 381). Решение игумена нужно было принимать со смирением и поклоном.

Земной поклон, будучи выражением кротости, обычно предшествовал примирению сторон. Симон свидетельствует, что Тит, желая получить прощение Евагрия, упал «ницъ пред ногамъ его» (Абрамович 1991. С. 123). Так же, припав к ногам, просил прощения Феофил у святого Марка Пещерника, которого ранее незаслуженно обидел (Абрамович 1991. С. 158). Проявлением абсолютной покорности считалась передача личного имущества, которое обычно клали к ногам духовного наставника. Так, например, поступил преподобный Варлаам в преддверии своего пострижения: «снемъ съ себе одежду болярскую и положи ю пред старцемъ (Антонием. – Ю. А.)»; а также не названный по имени монах, когда просил игумена Феодосия разрешить ему вернуться в обитель: «Тогда же чрьноризецъ той, иже бе своима рукама работа стяжалъ имения мало... и сие принесъ, пред блаженным положи» (Абрамович 1991. С. 32, 56). Если же инок упорствовал в своем согрешении, настоятель мог наложить на него епитимию, а в исключительных случаях даже изгнать из монастыря, что предусматривалось Студийским уставом. Такая участь, например, постигла двух черноризцев, оклеветавших художника Алимпия (Абрамович 1991. С. 177).

Наряду с игуменом в разрешении внутренних конфликтов принимали участие и монастырские старцы. Именно они прилагали усилия к примирению Тита и Евагрия, а также уговаривали инока Арефу не обвинять напрасно окружающих в пропаже своего имущества (Абрамович 1991. С. 121, 123).

В случаях, когда одной из сторон конфликта выступал мирянин, дело мог рассматривать и настоятель, и светское лицо, обличенное судебными полномочиями. Так, например, в деле Алимпия процесс вел настоятель, а именно: он принимал претензии от заказчика икон, посыпал за обвиняемым и расспрашивал его, распорядился устроить очную ставку с монахами, которые брали деньги и, наконец, вынес приговор об изгнании последних из обители (Абрамович 1991. С. 176–177). Согласно Киево-Печерскому патерику, арбитром по иску византийских художников к монастырю являлся печерский игумен Никон (1077/78–1088). В соответствии с рядом, заключенным с Антонием и Феодосием в Константинополе, греки должны были расписывать каменный Успенский собор. Но оказалось, что храм слишком велик, поэтому художники стали требовать признания договора ничтожным. Только когда выяснилось, что Антония и Феодосия уже около 10 лет нет в живых, они приняли Промысел

Божий и взялись за роспись храма (Абрамович 1991. С. 9–11). С другой стороны, дело о покушении на кражу имущества из кельи преподобного Григория Чудотворца рассматривал светский судья («градский властелинъ»), который «повеле мучити татие» (Абрамович 1991. С. 134). Для того, чтобы спасти воров от страданий, монаху пришлось передать судье часть своих книг. Светское лицо рассматривало и претензию наемных рабочих к пещерскому иноку Феодору, которого обвиняли в срыве уже согласованного с монастырем подряда (Абрамович 1991. С. 168).

* * *

В статье 6559 (1051) г. летописец называет Киево-Печерский монастырь старейшим среди других русских монастырей. Причем это старейшинство определяется не хронологией его возникновения, а первенством в нормативной организации иноческого быта. В 1062 г. по инициативе преподобного Феодосия Печерского в обители был введен Студийский монашеский устав. Вскоре нововведение пещерян было подхвачено другими русскими монастырями: «*С* того же монастыря переяша вси монастыреве оуставъ тѣмъже почтенъ есть монастырь Печерскыи старѣє всего» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160). Эта инициатива Феодосия возникла не на пустом месте, она была вызвана объективными обстоятельствами. Активная коммуникация монастыря с миром, которая была залогом его стабильного развития, привела к существенному росту численности постриженников. Спустя всего десятилетие после его возникновения в стенах Киево-Печерского монастыря проживало около 100 иноков. Многочисленная братия, связь с миром и отсутствие владельца-ктитора являлись благодатной почвой для возникновения разного рода конфликтных ситуаций внутри общины. Студийский типикон был призван нивелировать эти издержки. Несмотря на то, что Устав был введен во всей своей строгости и полноте, некоторые его требования нарушались, а между иноками вспыхивали ссоры и распри. Чаще всего такие нестроения возникали на почве несоблюдения уставных норм, хотя случались и межличностные конфликты. Решающую роль в их урегулировании играла монастырская администрация – игумен и соборные старцы. Полномочия настоятеля были весьма обширны: он имел право делать внушения, назначать наказания и даже выдворять из монастыря нерадивых черноризцев. Для предупреждения разногласий и поддержания дисциплины в обители функционировал институт «начальников», который был представлен наиболее авторитетными и опытными монахами. В их обязанности входило наблюдение за поведением братии в храме и на трапезе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. [Abramovich D.I. Kievo-Pecherskiy paterik (Kiev-Pechersk Patericon). Kiev, 1991.]
- Артамонов Ю.А. Монастырское строительство на Руси в эпоху Ярослава Владимиоровича // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 187–201. [Artamonov Yu.A. Monastyrskoe stroitel'stvo na Rusi v epokhu Yaroslava Vladimirovicha (Monastic Construction in Rus' during the Era of Yaroslav Vladimirovich) // Yaroslav Mudryy i ego epokha. Moscow, 2008. S. 187–201.]
- Артамонов Ю.А. Киево-Печерский монастырь // ПЭ. 2013. Т. 33. С. 8–13. [Artamonov Yu.A. Kievo-Pecherskiy monastyr' (Kiev-Pechersk Monastery) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2013. T. 33. S. 8–13.]
- Артамонов Ю.А. Поликарп, монах Киево-Печерского монастыря, агиограф // ПЭ. 2020. Т. 57. С. 135–137. [Artamonov Yu.A. Polikarp, monakh Kievo-Pecherskogo monastyrja, agiograf (Polycarp, Monk of the Kiev-Pechersk Monastery, Hagiographer) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2020. T. 57. S. 135–137.]
- Артамонов Ю.А. Княжеская власть и Киево-Печерский монастырь в XI – начале XII в.: конфликты и пути их преодоления // ВЕДС. 2023. Вып. XXXV: Пути и способы разрешения конфликтов. С. 14–19. [Artamonov Yu.A. Knyazheskaya vlast' i Kievo-Pecherskiy monastyr' v XI – nachale XII v.: konflikty i puti ikh preodoleniya (Princely Power and the Kiev-Pechersk Monastery in the 11th – early 12th Centuries: Conflicts and Ways to Overcome Them) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Chteniya pamyati chlen.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto. Moscow, 2023. Vyp. XXXV: Puti i sposoby razresheniya konfliktov. S. 14–19.]
- Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1881. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. [Golubinsky E.E. Istoriya Russkoy tserkvi (History of the Russian Church). Moscow, 1881. T. 1. Kn. 2. Ch. 1.]
- Каждан А.П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа // ВВ. 1971. Т. 31. С. 48–70. [Kazhdan A.P. Vizantiyskiy monastyr' XI–XII vv. kak sotsial'naya gruppa (Byzantine Monastery of the 11th–12th Centuries as a Social Group) // Vizantiyskiy vremennik. 1971. T. 31. S. 48–70.]
- Казанский П.С. История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855. [Kazanskiy P.S. Istoriya pravoslavnogo russkogo monashestva ot osnovaniya Pecherskoy obiteli prepodobnym Antoniem do osnovaniya lavry svyatoy Troitsy prepodobnym Sergiem (History of Orthodox Russian Monasticism from the Foundation of the Pechersk Monastery by St Anthony to the Foundation of the Lavra of the Holy Trinity by St Sergius). Moscow, 1855.]

Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001. [*Pentkovskiy A.M. Tipikon patriarcha Alekseya Studita v Vizantii i na Rusi (Typicon of Patriarch Alexei the Studite in Byzantium and Rus')*. Moscow, 2001.]

Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. [*Sokolov I.I. Sostoyanie monashestva v Vizantiyskoy tserkvi s serediny IX do nachala XIII veka (842–1204). Optyt tserkovno-istoricheskogo issledovaniya (The State of Monasticism in the Byzantine Church from the Middle of the 9th to the Beginning of the 13th Century (842–1204). An Attempt at Church-Historical Research)*. St. Petersburg, 2003.]

Успенский сборник XII–XIII вв. [текст] / Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Дем'янов, М.В. Ляпон; под ред. С.И. Коткова. М., 1971. [*Uspenskiy sbornik XII–XIII vv. [tekst] (Uspenskiy sbornik. 12th–13th Centuries [Text]) / Izd. podg. O.A. Knyazevskaya, V.G. Dem'yanov, M.V. Lyapon; pod red. S.I. Kotkova. Moscow, 1971.*]

Yuriy A. Artamonov

DISORDER IN MONASTIC LIFE AND POSSIBILITIES OF ITS RESOLUTION (BASED ON THE EARLY HISTORY OF THE KIEV-PECHERSK MONASTERY)

Unlike private monasteries that, as a rule, existed on the funds of its founder and were relatively closed corporations, the Pechersk community was in dire need of communication with the world. This connection ensured an influx of new monks and financial assistance, which was the key to the sustainable development of the community. The significant growth of the brotherhood led to the need for a normative organization of its life, which resulted in the introduction of the Studite communal charter in the monastery. It was intended to protect the inhabitants of the Caves from internal conflicts. Even though the Charter was introduced in all its severity and completeness, a number of its provisions soon began to be systematically violated, and conflicts and strife began to break out between the monks. Most often, these disturbances arose based on non-compliance with statutory norms, although personal quarrels also occurred. The decisive role in their regulation was played by the administration – the abbot, the cathedral elders, the monastery “chiefs”.

Keywords: Ancient Rus', church, monasticism, monasteries, Kiev-Pechersk Monastery, Studite monastic rule

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-111-124